Добавил(а) Александр Торопцев
15.01.16 20:03 -

Александр Торопцев

Последнее желание старого вождя

(По мотивам телерепортажа из Румынии. 1989 год. 25 декабря)

Из бокового люка бронетранспортера с трудом выдавилось грузное тело старого вождя в каракулевой шапке. Она выдавилась первой, помятая крышкой люка шапка старого вождя, бывшего вождя, арестованного повстанцами. Он протянул вперед руки – с опаской, неуверенно: непривычная для него работа – и скомканный, большой, чуть ли не рухнул на плечи молодого воина, который помог старому человеку не упасть. Наконец-то ноги его вступили на родную землю. Она дрожала (дрожала камера телеоператора, уникальная все-таки съемка).

Повстанец с непроницаемым лицом поддерживал старого вождя за левую руку. Тот выпрямился, снял помятую каракулевую шапку, быстрым натренированным движением, будто всю жизнь только тем и занимался, что поправлял, вылезая из люка бронетранспортера, каракулевые шапки, одел ее на седую кудлатую голову, улыбнулся, стараясь не показать растерянности повстанцу, телеоператору – истории, и пошел в суд. В суд военного трибунала. В глазах вождя была вера. Он верил. Во что-то он верил, старый вождь восставшего против него народа. Не в победу на суде, не в друзей, с которыми правил страной почти тридцать лет, превратив ее в вотчину, не в подданных, еще вчера кричавших ему ура, аж глотки закладывало от подобострастья, так яро кричали они ура, не в других друзей, коллег-вождей соседних стран. Не в них он верил и не в высший разум (до него ли было сейчас?), и даже не в чудо он верил. Он даже в чудо не верил.

Его привел в кабинет. Он снял тяжелое пальто, пиджак с правой руки, поднял рукав белой рубашки. Ему измерили давление. Оно у старого вождя, крепкого мужика, соответствовало норме. Той норме, которая не воспрещала идти ему в суд. И он пошел.

Вместе с женой (тут только кадр показал ее), тоже старой, крепкой, поблекшей, поникшей. По миру ходили слухи, что она правила страной, что ее упрямая, злая, бабья воля подчинила всех, все и мужа в том числе: около четырехсот родственников, своих и мужа, поставила она на ключевые точки государства. Клан. Мощный, непробиваемый клан, царицей которого была жена старого вождя. Ее портреты висели всюду рядом с портретом мужа, ее имя вызывало ту же реакцию, что и имя мужа. Восторг. Восторг, за которым даже опытному человековеду и человеколюбу трудно было увидеть, почувствовать страх, зависть, злобу.

И теперь она стояла перед судом военного трибунала рядом с мужем, по правую руку от него, старая женщина с острыми чертами совсем не властного, не жестокого, не жесткого лица – обыкновенное лицо сварливой старой крестьянки, выслушивающей строгие наставления хозяина или руководители, было у нее. Она молчала. В глазах, не больших, бегущих от камеры и людей, затаилась ненасытная злоба женская, прикрытая легким флером неизбежности, тоски. В злобе той – надежда. Не на мужа надеялась она. Не на чудо.

А муж, почуяв под собой трибуну, не ту трибуну, которая будоражила мозг его всю жизнь, а трибуну военного трибунала, но все равно трибуну, разгорячился, бросился в бой. Страстны были слова его. Гневна мимика, резки и уверенны взмахи рук. Но у обвинителей своя страсть, своя вера отчаянная. Их не показывала камера, они остались за кадром. Но они играли в этой человеческой драме главную роль. Они победители. Они могли говорить смело. Геноцид, попытка вывести из страны награбленное, развал экономики, порча государственного имущества (для справки: чуть позже всем станет известно, что страна вождя не имела внешнего долга, не плохой, однако, показатель…) – серьезные обвинения предъявлены старому вождю.

А он, поддавшись трибунной агонии, бился … за жизнь ли бился он? Вряд ли. Опытный человек, опытный политик, старый политик. Он видел многое на своем веку. Он не мог не понять, что повстанцы просто обязаны были его сегодня расстрелять. Они обязаны его расстрелять. Он уже не вождь, но он – символ веры, знамя. И его надо расстрелять. И его жену надо расстрелять, потому что она тоже символ.

Все предельно просто. Таков закон. Закон революционной жестокости: убей или убьют тебя. Страшная жестокость. И не тем страшна она, что убивать себе подобных надо, а тем, что, убивая врага, ты не убиваешь врага, а порождаешь нового. Так было всегда.

Добавил(а) Александр Торопцев
15.01.16 20:03 -

Жестокость всех революций, особенно, в старых, изживших себя режимах, порождала жестокость. Этот лавинообразный процесс разрастался по законам эпидемий, уничтожая правых и виноватых, тупых и умных, великих и не великих, - всех, кто попадался под руку. Он разрастался особенно бурно до тех пор, пока какой-то из сторон не удавалось уничтожить символ веры, надежду, эту обольстительницу революционно зараженного народа. И это не могли не знать судьи старого вождя, его вчерашние подданные, и он сам. И его жена. Но закон есть закон. Он – бог революций и переворотов, человеческой оголтелости и нетерпимости, он – творец пулеметного буйства брошенных в революционное пекло масс. Разъяренная, растормошенная, зараженная страшной болезнью масса требует смерти: только смерть удовлетворяет ее обезумевшую душу, только смерть может спасти ее от еще большего безумства. Смерть символов и надежд. Только чудо может спасти от кровавого взгляда революционной толпы.

Но не на чудо надеялся заколдованный трибунной агонией старый политик в своем страстном порыве что-то доказать обвини елям, которым не было нужды слушать бывшего вождя, бывшего человека. Его никто не слушал, его не слушала даже родная жена. Стояла она, смиренно склонив голову, пряча от ТВ камеры глаза – как на похоронах, как на собственных похоронах. Да, она уже хоронила себя, хотя еще и не смирилась со своей участью! Дай ей только шанс, освободи ее только на мгновение – и полетят головы, судьбы, люди в могилы. Много людей и голов полетело бы в могилы. Она полна затаенной энергией, она в любую секунду готова тигром броситься на каждого, кто судит ее. Но чумной закон революций придавил волю ее и энергию, страсть и злость дикую: он поставил над ней победителей, и они обвиняют ее во всех грехах.

И они убьют ее. И она это знала.

Все. Суд вынес приговор. Смертная казнь.

Старый вождь проиграл, но трибунная болезнь еще не отступила от него, не смирилась с поражением. Его голос, уверенный, победоносный, заполнял помещение суда военного трибунала, ТВ камеру…

Смертная казнь. Приговор привести в исполнение немедленно.

Немедленно. Сейчас же. А в желудке непривычная пустота. А сердце взбесилось. А давление полетело вверх. А … последнее желание?! Неужели у него и у нее нет последнего желания?! Есть. Обязано быть. Так сложен человек – любой. Последнее желание. Никаких последних желаний – все желания уже исполнены. Осталось привести приговор в исполнение. Обойдетесь. Только расстрел. Немедленно. Сейчас же.

Привести приговор в исполнение!

Его оторвали от трибуны, повели вместе с женой в арестантский двор. Муж по пути остыл. То ли вспомнил о чем-то. Шел спокойно. Жена тоже тихо присмирела.

Серое небо, серые камни зданий, зданий в пять этажей. С окнами. В окнах пустота. Лишь мрачные блики неба в холодных стеклах, по которым бегает зябкой равнодушью ветер.

Старый вождь просит слова. Его никто не слушает. К стенке. Немедленно. Расстрел. Быстрее. Пленка кончается. Перезаряжать некогда. Срочно нужно показать народу тело старого вождя и тело жены старого вождя. Чтобы сомневающиеся не мучались в выборе пути. Чтобы они поверили – символа больше нет.

Они подошли к стене. Жесткий ветер сухой зимы по сухим лицам. Они повернулись: она – левое плечо вперед, он – правое, на мгновение задержали последнее в жизни движение, посмотрели друг другу в глаза. Глубоко посаженные, уставшие, диковатые, отчаянные – у него. Не большие, с затаенной злобой – у нее. Они смотрели друг на друга одно мгновение, и вдруг он и она … улыбнулись. Не бешеной счастливой улыбкой первой любви, которую запечатлел фотограф много лет назад и которая лежит у него на сердце. И не нежной – над ножками первенца, и не радостной, гордой – после избрания его главой государства и партии, и не трибунной – под колыхания знамен и лозунгов, прославлявших сначала его одного, а потом и ее вместе с ним, и не улыбкой надежды одарили они друг друга в последний миг. А той – которую не видел никто, которую никто не мог видеть, и даже если бы кто-то и увидел ее, улыбку двух преданных сердец, понять ее смысл не смог бы. Потому что не дано человеку третьему такое чудо. Потому что это удел двоих, чьи сердца по случаю находят друг друга в этом мире страстей и

буйств, побед и поражений, убийственных стремлений и всепоглощающих надежд…

Много лет назад это было.

Они жили счастливо, они побеждали. Однажды ему нужно было лететь в большую страну с важным государственным визитом. Он попрощался с женой, поцеловал сына, двухгодовалую дочь. Вышел к машине. К нему подошел офицер охраны и с волнением доложил о бомбе, обнаруженной в самолете. Вылет отложили на два часа. Он вернулся к жене, сел с ней на диван, посадил дочку на ногу и, играя с ней в качели, будто забылся, будто бы ничего и не случилось.

Дочка летала-летала вверх-вниз, а жена сидела-сидела, сидела-сидела, а сердце ее прыгало-прыгало – и устало оно от такой качки. Он заметил усталость ее и отправил дочку к братику. А жену спросил:

- Что случилось, милая?

- Боюсь я за тебя, - тревожный был ответ.

- Все будет хорошо. Привезу подарки: стране и всем вам. А тебе – особенный.

- Не нужны мне подарки, ты мне нужен, - сказала она искренно, и он поверил ей. – Мне ничего в жизни не нужно.

Она посмотрела на него нерешительно и сказала – счастье себе загадала:

- Я не знаю, что буду делать без тебя. Я прошу тебя – не умирай раньше меня, обещаешь?

- И я тоже не перенесу твоей смерти, ты же знаешь! – она знала это. – Я придумал! Давай сделаем так: умрем с тобой в один миг.

Она промолчала, обдумывая предложение мужа.

- Только об этом рано говорить, - продолжил он решительно. – Сначала нужно страну поднять, детей воспитать, внуков. А уж потом… Ну как, идет?

- Да! – они улыбнулись – они верили друг другу.

Последнее мгновение, счастливое мгновение их жизни. Они повернулись к повстанцам. Пять коротких стволов автоматов. Строгие чужие лица. Жесткие, упрямые, нетерпеливые.

- Огонь! – резкий взмах руки, собачья дрожь стволов, огненные стрелы.

Старый вождь с разорванным сердцем снопом упал под булыжники фундамента, заставил себя, мертвого, сделать последнее движение, упал головой под камни, лицом – от жены, чтобы не видеть ее, мертвую.

Жена старого вождя кувырнулась с простреленной грудью, развернула в падении себя, мертвую, и упала головой под булыжник фундамента лицом от мужа, чтобы не видеть его, мертвого.

Их самое заветное – последнее – желание исполнилось.

Тележурналист запечатлел трупы на пленке, ее едва хватило. Он, не сознавая этого, находясь под воздействием историзма произошедшего, хотел заснять улыбки расстрелянных, но пленка-то кончилась.

Он хотел перезарядить ее, но его подхватили за руки, повели к машине.

- Быстрее! Быстрее!! Срочно материал в эфир. Это жизненно важно! – кто-то громко кричал.

Город пропустил машину с жизненно важным материалом без помех. Вскоре народ увидел смерть старого вождя и его жены.

На их улыбку не хватило пленки. И еще чего-то…

(*Записано после двадцатикратного просмотра пленки, так и не вышедшей в эфир полностью. И это странно. Символов веры вроде бы уже нет. Кому же мешает их улыбка? Кого она пугает?*)